

МУСУЛЬМАНСКИЕ МАВЗОЛЕИ КРЫМА: ТИПЫ, СТРУКТУРНЫЕ АНАЛОГИ.

Ю. Г. СЮЦУК

Наиболее значительные научные публикации, посвященные мусульманским мавзолеям Крыма, относятся еще к 20-м гг. За истекшие десятилетия усилиями нескольких поколений исследователей, как отечественных, так и зарубежных, был достигнут существенный прогресс в изучении мусульманской мемориальной архитектуры различных областей Ближнего и Среднего Востока, что, в свою очередь, позволяет заметно расширить сложившиеся представления о межрегиональных связях мусульманской мемориальной архитектуры Крыма. Имея определенное самостоятельное значение, этот вопрос является так же неотъемлемой частью проблематики типологических исследований. Как известно, полноценная характеристика типов не может быть выполнена исключительно изнутри исследуемой типологической системы, без привлечения результатов межкультурного сравнения. В данном случае будут рассматриваться лишь зарубежные аналоги крымских мавзолеев-дюрбе, так как местные аналоги подобных сооружений весьма немногочисленны и достаточно хорошо освещены в специальной литературе.

Все известные в настоящее время мусульманские мавзолеи Крыма (за исключением Эски-дюрбе) относятся к однокамерным купольным сооружениям. В их числе по конфигурации основного объема, наличию или отсутствию монументального портала, а также по признаку «замкнутость-открытость» выделяется 6 типов усыпальниц. Из них к группе замкнутых относятся 4 типа сооружений:

- четырехгранные портално-купольные (Старинное дюрбе),
- восьмигранные портално-купольные (мавзолеи Джанике-Ханым и Хаджи-Гирея).
- четырехгранные центрально-купольные (Кубовидное дюрбе, мавзолей у мечети Узбека),
- восьмигранные, центрально-купольные (Малый и Большой восьмигранники, дюрбе Диляры Бикеч, Северное и Южное дюрбе).

Открытые мавзолеи также представлены в Крыму четырех- и восьмигранными сооружениями (соответственно постройки на кладбище в Келедже и ротонды Саида Энис Эффенди в Карасубазаре и Менгли-Гирея II в Бахчисарае).

К достаточно редкому типу мемориальных сооружений с дворово-зальной структурой относится бахчисарайский мавзолей Эски-дюрбе (XV в.). При этом сама по себе крытая (зальная) часть этой постройки соответствует типу четырехгранных портално-купольных мавзолеев.

Композиция Эски-дюрбе с примыкающим к купольному объему двориком близка среднеазиатским хазира-комплексам (рис. 1), что ставит под сомнение функцию этого сооружения, как мавзолея (см. [1, с. 70; 2, с. 36]).

Купольное помещение Эски-дюрбе изначально скорее всего служило поминальной мечетью, а погребения размещались в открытом дворике. Впоследствии захоронения могли производиться и в помещении самой поминальной мечети, как это имело место в некоторых среднеазиатских постройках подобного назначения, которые по этой причине также долгое время рассматривались в качестве мавзолеев [3, с. 106].

Впервые в числе аналогов Эски-дюрбе подобные среднеазиатские сооружения были отмечены в 20-х гг. Б. Н. Засыпкиным. Однако особенности функциональной схемы хазира-комплексов им не прояснялись, и в связи с этим, вопрос об уточнении функции Эски-дюрбе не ставился [4, с. 124].

Примечательно что наибольшее сходство с Эски-дюрбе обнаруживают не синхронные ему или более поздние (XVI-XVII вв.) памятники в т. ч. и указанные Б. Н. Засып-

киным, а сооружения гораздо более ранние, относящиеся к XI в., такие, например, как комплекс Зуль-Кифль на острове Арал-Пайгамбар, комплекс в Узгене (в реконструкции Л. Ю. Маньковской), ферганский комплекс Шах-Фазиль и др. [3, с. 106, 107]. Все отмеченные сооружения имеют композицию с боковым расположением дворика и входами в смежных стенах купольного объема поминальной мечети (рис. 1. 1-6).

Тип хазира-комплексов следует отличать от мавзолеев в ограде, для которых характерно размещение усыпальницы внутри огражденного дворика (как правило в центре или на продольной оси) с возможностью ее кругового обхода (рис. 1. 7-10). Напротив в хазира-комплексах объем поминальной мечети примыкает к одной из сторон двора. Заметим, что при этом также обеспечивается круговой обход погребений (расположенных в этом случае под открытым небом). Форма купольного объема Эски-дюрбе с 8-гранным барабаном на четверике весьма характерна для османской архитектуры, где она встречается не столько в мавзолеях, сколько в зданиях иного назначения: мечетях, библиотеках-даралькурра, медресе (объемы аудиторий), общественных бань (раздевальные-джамкен) и др.

Ближайшими аналогами четырехгранного портално-купольного мавзолея Бей-Юде Султан (Старинного) с характерными косыми срезами углов четверика являются т. н. Северный и Восточный мавзолеи в Булгаре (оба—30-е гг. XIV в.) (рис. 2), а также мавзолей Кэшэнэ (район Чишмы) в Башкирии [5, с. 139]. Далее в порядке возрастания типологических различий следуют мавзолеи т. н. ахлатского типа, расположенные в основном вокруг озера Ван (6 из них—XIII в., 2—XIV и XV вв.). В отличие от указанных выше мавзолеев Башкирии и Булгара они не имеют выступающего портала, нижний четырехгранный объем занят склепом и имеет срезы в виде двух расположенных под углом треугольных плоскостей (рис. 2). Верхняя камера, занимающая увенчанный шатром двенадцатигранный (реже цилиндрический) объем, имеет 4 входных проема, подчеркивающих центричность композиции сооружения [6, с. 160]. Мавзолеи ахлатского типа относятся к группе башенных и связаны с другой их разновидностью, отличительной чертой которой является невысокий квадратный в плане цоколь, выполняющий роль основания для вытянутого по вертикали многогранного, цилиндрического или обработанного гофрами объема мавзолея (рис. 2). Подобные сооружения получили распространение в основном в Анатолии [7, с. 442]. В некоторых из них цокольная часть также имеет характерные косые срезы углов (мавзолеи Мама-Хатун в Терджане, Джалаладдина Руми в Конье — оба XIII в. и др.).

Нетрудно заметить (см. рис. 2), что общая логика, объединяющая все звенья полученного типологического ряда, от наиболее ранних башенных мавзолеев до Старинного дюрбе, состоит в последовательном увеличении роли нижнего четверика за счет верхнего многогранного объема. В крымском мавзолее многогранным остается лишь узкий пояс подкупольного барабана. Учитывая, что отмеченная типологическая цепочка характеризуется отсутствием противоречий в относительной хронологии, а области где локализируются, составляющие ее типы мавзолеев, исторически были тесно связаны друг с другом, можно предположить, что выявленные структурные связи с высокой степенью вероятности являются и связями генетическими.

Наиболее ранние четырехгранные портално-купольные мавзолеи зафиксированы в конце X в. на территории Средней Азии (Араб-Ата в с. Тим, Мир Сеид Бахром в Кермине) [8, с. 108]. Несколько позднее в XI в. здесь же появляется разновидность четырехгранных порталных мавзолеев с шатровым завершением (Бабаджихатун, Айша-биби — оба близ Джамбула) [6, с. 160, 161; 7, с. 233] (рис. 2), связь которых с крымским дюрбе в Азисе скорее всего опосредована болгарскими мавзолеями. Особую близость с последними обнаруживают усыпальницы хорезмшаха Текеша в Куня-Ургенче, XII в. [9] и Шейх-Хорасан в с. Ханега (Азербайджан), конец XII-нач. XIII вв. [10, с. 120, 186], главное отличие которых (помимо отсутствия характерных срезов углов четверика) состоит в трактовке портала, занимающего здесь всю ширину фасада (рис. 2). Напротив, в Северном и Восточном мавзолеях Булгара,

портал подчеркнут выступом из основного объема и занимает лишь часть фасадной стены — черта присущая также мавзолеям северного Хорасана [8, с. 110].

В Анатолии форма четверика с треугольными срезами углов помимо мавзолеев ахлатского типа и некоторых башенных мавзолеев «на квадратном цоколе» встречается и в зданиях мечетей более позднего периода. Подобный элемент зафиксированный в мамлюкских мечетях и мавзолеях XV - нач. XVI вв. (рис. 2), вероятно, имеет малоазийские истоки, однако его разработка здесь получила иное, при чем весьма оригинальное, выражение [11, с. 48; 12, с. 118].

Достаточно редкий тип **многогранных портално-купольных мавзолеев**, к которому относятся дюрбе Хаджи-Гирея (рис. 3. 1) и Джанике-Ханым, отмечен в Дахистане (Машади-Месториан) — группа мавзолеев XII в. близ мечети Шир-Кабир [13, рис. 132, 133] (рис. 3. 8), в Термезе — здание XII в. [14, с. 51, 52]. К тому же типу относится мавзолей династии Суфи (т. н. Тюрабек-Ханым), 1360-е гг. в древней столице Хорезма — Куния-Ургенче (рис. 3. 7) и построенный там же по его образцу более поздний мавзолей Султан-Али, XVI-XVIII вв. [13, рис. 118-122]. Подобную объемную схему, состоящую из монументального портала и купольного восьмерика, имеет и знаменитая усыпальница Тимура — самаркандский мавзолей Гур-Эмир (нач. XV в.), в создании которого возможно принимали участие и хорезмийские мастера (рис. 3. 6). Существующие попытки объяснения восьмигранной формы этого мавзолея, исходя лишь из конструктивных соображений [7, с. 289], не вполне убедительны, поскольку в дальнейшем среднеазиатские мавзолеи с той же конструктивной системой сохраняют традиционную для этого региона форму четверика.

Наиболее ранним примером многогранных портално-купольных усыпальниц является мавзолей Шабурган-ата, 2-я пол. XI в. (Бухарская область), изначально представлявший собой открытую ротонду-ашттак (рис. 3. 9). Лишь впоследствии проемы в гранях основного объема были заложены, в результате чего образовались ниши как внутри, так и снаружи здания [15, с. 57, 61].

Как видно из приведенного перечня, зарубежные аналоги крымских дюрбе Джанике-Ханым и Хаджи-Гирея сосредоточены исключительно в Средней Азии. Возможно, впрочем, что подобные сооружения в других регионах (в Закавказье, в Анатолии), отмечавшие путь распространения этой типологической схемы, просто не сохранились, в том числе и те, которые могли послужить прямыми прототипами крымских восьмигранных портално-купольных мавзолеев. Столь же вероятна и возможность непосредственного подражания знаменитым усыпальницам Самарканда и Ургенча, как и вариант независимого, конвергентного формирования этого типа крымских дюрбе.

Тип четырехгранных центрических мавзолеев, к которому относятся крымские дюрбе у мечети Узбека в г. Старом Крыму и Ахмед-бея (Кубовидное) в г. Бахчисарае (рис. 3. 3), а, возможно, также и мавзолей в с. Кырк-Чолпан, получил широкое распространение в различных областях Ближнего и Среднего Востока.

В арабских странах скромные по размеру и характеру отделки народные мавзолеи-кубба (четверик под куполом) возводились над могилами местных «святых» [16, с. 78]. В Иране XI-XII вв. гробницы духовных лиц — имамзада в отличие от многогранных башенных мавзолеев правителей также, как правило, возводились в форме купольного четырехгранника. Наибольшее распространение этот тип мусульманских мавзолеев получил в Средней Азии, где его истоки, по мнению исследователей лежат в традиции зороастрийских культовых и погребальных сооружений (храмы огня-аташгох, склепы-наусы [17, с. 143; 13, с. 22]).

Напротив, в Закавказье, где, как и в Иране и в Анатолии, на протяжении XI-XIV вв. доминировали мавзолеи башенного типа, четырехгранные центрические усыпальницы представлены весьма ограниченным числом известных примеров (Гунбаде Сурх XII в., Гунбаде Гафарийе XIV в. — оба в Мараге и др.) [7, с. 381].

Наибольшее сходство с Кубовидным дюрбе в Азисе (единственным уцелевшим мавзолеем этого типа в Крыму) обнаруживают османские аналоги, при чем не толь-

ко функционально тождественные, но и относящиеся к другим функциональным категориям. На территории Анатолии число известных четырехгранных мавзолеев сравнительно невелико, практически все они относятся к раннеосманскому периоду (XIV-сер. XV вв.). Среди наиболее значительных турецких сооружений этого типа мавзолеев Чандарлы Хайреддин-паши в Изнике, 1379 г., Гюдук-минаре в Сивасе, 1347г., тюрбе Баязида Йилдырыма, 1406 и Мурада II, 1451 г. в Бурсе (рис. 3. 18) [7, с. 455, 458; 18, с. 192, 228].

Мавзолеи с квадратным в плане интерьером возводились в османской Турции и в последующие периоды, однако снаружи они чаще всего получали форму неправильного восьмигранника (рис. 3. 17) с более узкими гранями на месте «срезанных» углов четверика [19, табл. 206, 209]. Подобный прием вероятно, был призван обеспечить типологическое единство объемного решения османских мавзолеев независимо от формы их интерьера.

Ближайшие аналоги крымских восьмигранных центрических мавзолеев (рис. 3. 2) зафиксированы в зодчестве османской Турции, где этот тип мемориальных сооружений известен с XV в. Наиболее ранним примером османских мавзолеев этого типа считается Ешиль-тюрбе в Бурсе (1421 г.) (рис. 3. 12), архитектурный облик которого оказал значительное влияние на турецкое мемориальное зодчество последующего периода [7, с. 457].

В большинстве османских мавзолеев подобного типа перед входом имеется небольшое крыльцо (или портик) в виде навеса, опирающегося на 2 или 4 расположенных в ряд колонны (рис. 3. 11), либо деревянные стойки; в некоторых случаях вертикальные опоры вовсе отсутствовали. Сам навес мог иметь сводчато-купольную или деревянную стропильную конструкцию [19, табл. 201-210]. Не исключено, что подобные портики имелись и в некоторых крымских дюрбе.

В османской архитектуре Анатолии зафиксированы различные варианты восьмигранных центрических мавзолеев, в том числе и те, которые известны по крымским памятникам.

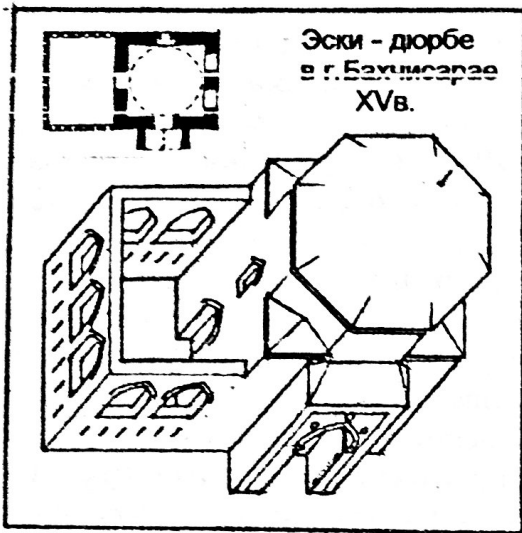
В частности, вариант структуры без подкупольного барабана, представленный в Крыму мавзолеем Малый восьмигранник, отмечен в анатолийской архитектуре не только в раннеосманский, но и в последующие периоды [19, табл. 22, 83, 117], в т. ч. на примере наиболее значительных памятников, таких как мавзолей султана Сулеймана (1561 г., арх. К. Синан) [7, с. 468].

Внутренние ниши, являющиеся характерной чертой бахчисарайского дюрбе Большой восьмигранник, отмечены также в стамбульском мавзолее Сиявуша и Фархада (1584 г.), имеющего впрочем, в отличие от крымского дюрбе шестнадцатигранный основной объем (при восьми нишах в интерьере) [10, табл. 211]. Близкую структуру имеет и уже упомянутый мавзолей Сулеймана — восьмигранный как снаружи так и внутри. Здесь подобие ниш в интерьере образовано пристенными колоннами и опирающимися на них стрельчатými арками, поддерживающими купол сооружения [7, с. 468].

Тип восьмигранных центрально-купольных мавзолеев был известен на территории Анатолии и в доосманский период. Наиболее ранним малоазийским сооружением этого типа, является тюрбе султана Салтука в Эрзеруме (1170 г.) [20, с. 192] (рис. 3. 13).

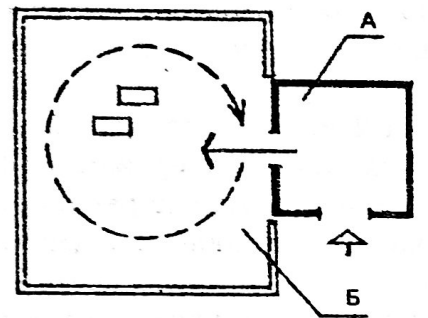
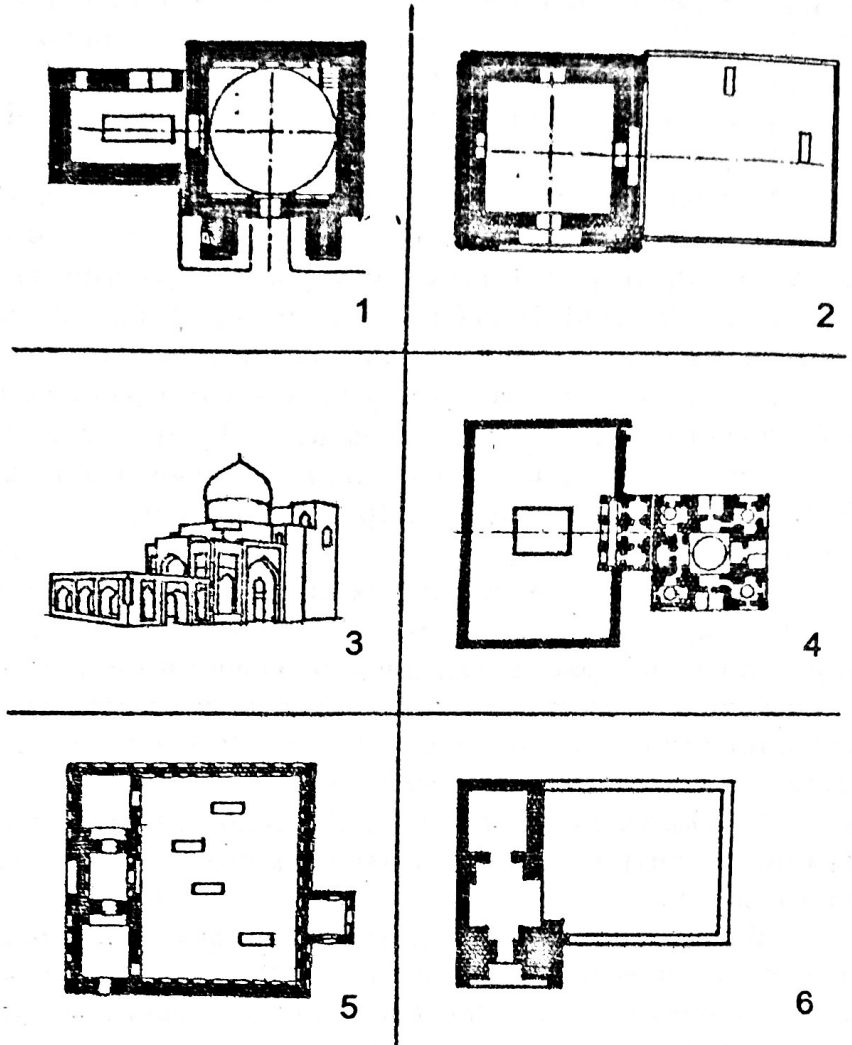
Помимо Анатолии многогранные центрально-купольные мавзолеи отмечены в Закавказье: в с. Бабы, XIV в., Мелик-Аджара в с. Джиджимли (оба — в Азербайджане), эмира Саада, XV в. в с. Аргаванд (Армения) [7, с. 387; 21, рис. 59, 105], а также в Иране: Гунбади-Али XI в. в Абаркухе, Джафара, XIV в. в Исфахане, Джебели-Санг, XII в. в Кермане. Последний имеет глубокие арочные ниши в интерьере (рис. 3. 14). Та же черта характерна и для некоторых более поздних мавзолеев Кума XIV в., особенностью которых является также невысокий подкупольный барабан, цилиндрический или (как в Большом восьмиграннике) с увеличенным числом граней [7, с. 163; 6, с. 162].

Восьмигранный купольный объем (обведенный открытой арочной галереей) имела и первая мусульманская усыпальница — Куббат ас Сулайбия в Самарре (860-е гг.), воспринявшая основные черты иерусалимской святыни Куббат-ас-Сахро (686-691 гг.)

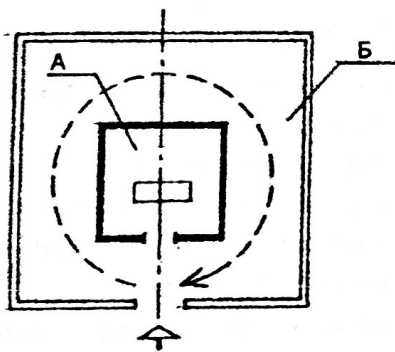
Эски - дюрбе
в г. Бахчисарее
XVв.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАЗИРА-КОМПЛЕКСЫ
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СХЕМА, ПРИМЕРЫ ОБЪЕМНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО РЕШЕНИЯ

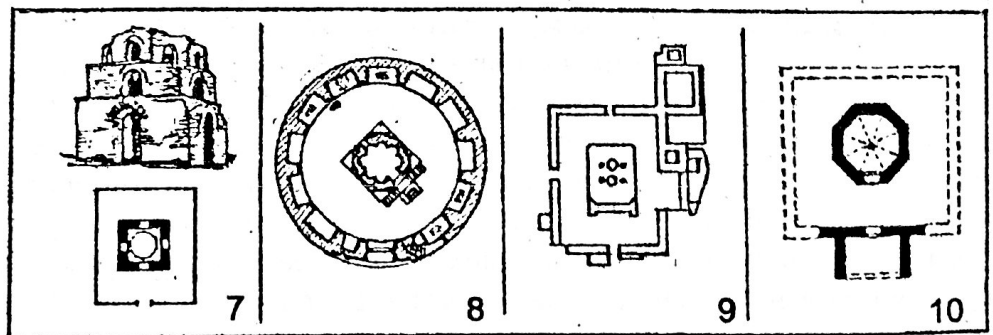

А - ПОМИНАЛЬНАЯ МЕЧЕТЬ
Б - ДВОР С ПОГРЕБЕНИЯМИ
← НАПРАВЛЕНИЕ РИТУАЛЬНОГО
КРУГОВОГО ОБХОДА ПОГРЕ-
БЕНИЙ

ТИП МУСУЛЬМАНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ В ОГРАДЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СХЕМА, ПРИМЕРЫ ПЛАНИРОВОЧНЫХ РЕШЕНИЙ

А - МАВЗОЛЕЙ
Б - ВНЕШНИЙ ДВОР

1- комплекс Зуль-Кифль на острове Арал-Пайгамбар, XVв.; 2- комплекс в Узгене, нач. XVв. (Реконструкция Л.Ю. Маньковской); 3- мавзолей Каффаль-Шаши в Ташкенте, 1542г.; 4- комплекс Касым-шейха в Кермине, XVв.; 5, 6- комплексы в некрополе Чор-Бакр близ Бухары, XVI - XVIIвв.; 7 - мавзолей в некрополе Сабанат под Каиром, 1010г.; 8- мавзолей Мама-Хатун в г. Терджане, XIIIв., Анатолия; 9- мавзолей Хусейна в г. Кербеле, XVв., Ирак; 10- мавзолей в сел. Калахана, XVIв., Азербайджан.

Рис.1 Функциональная организация и структурные аналоги Эски-дюрбе

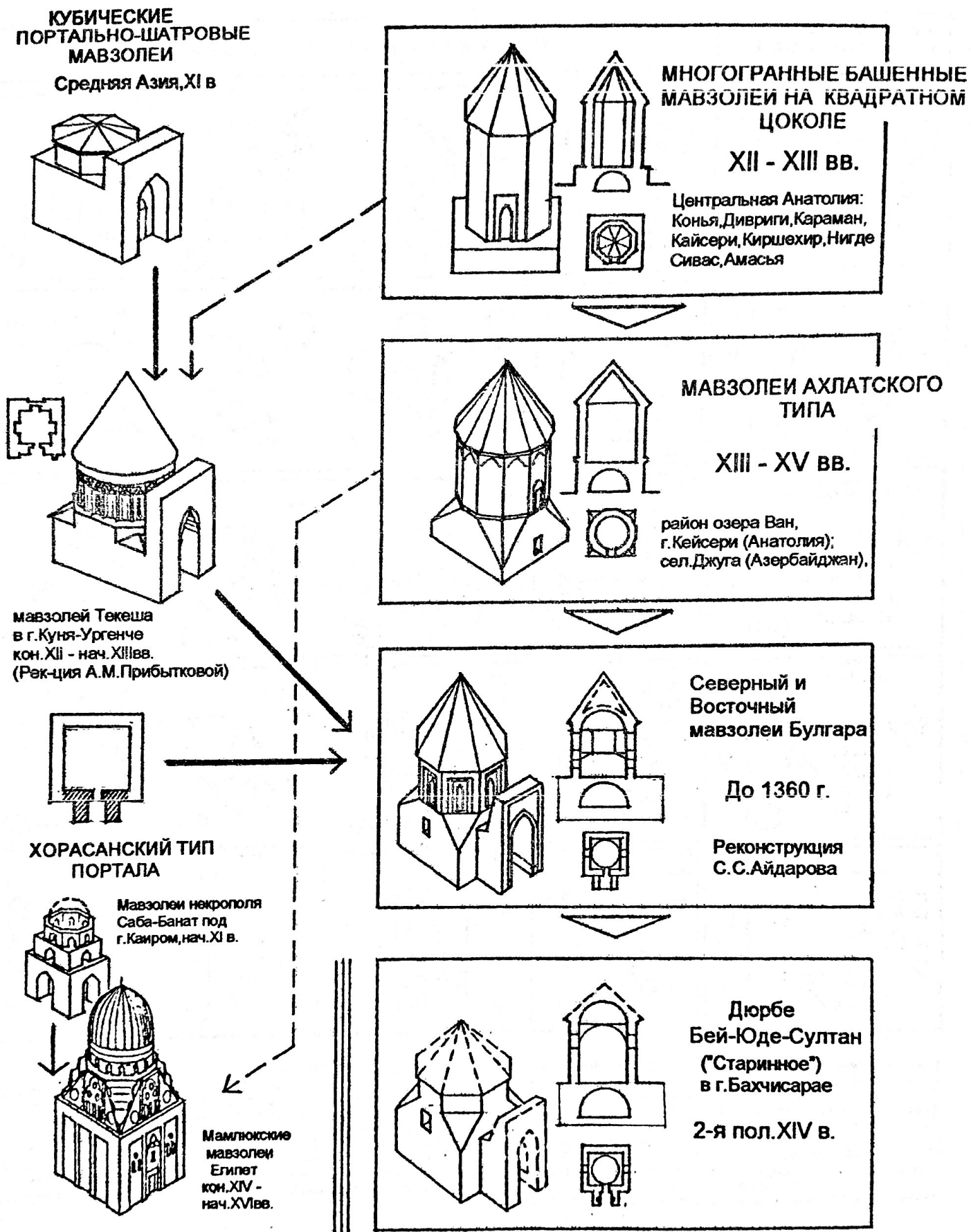
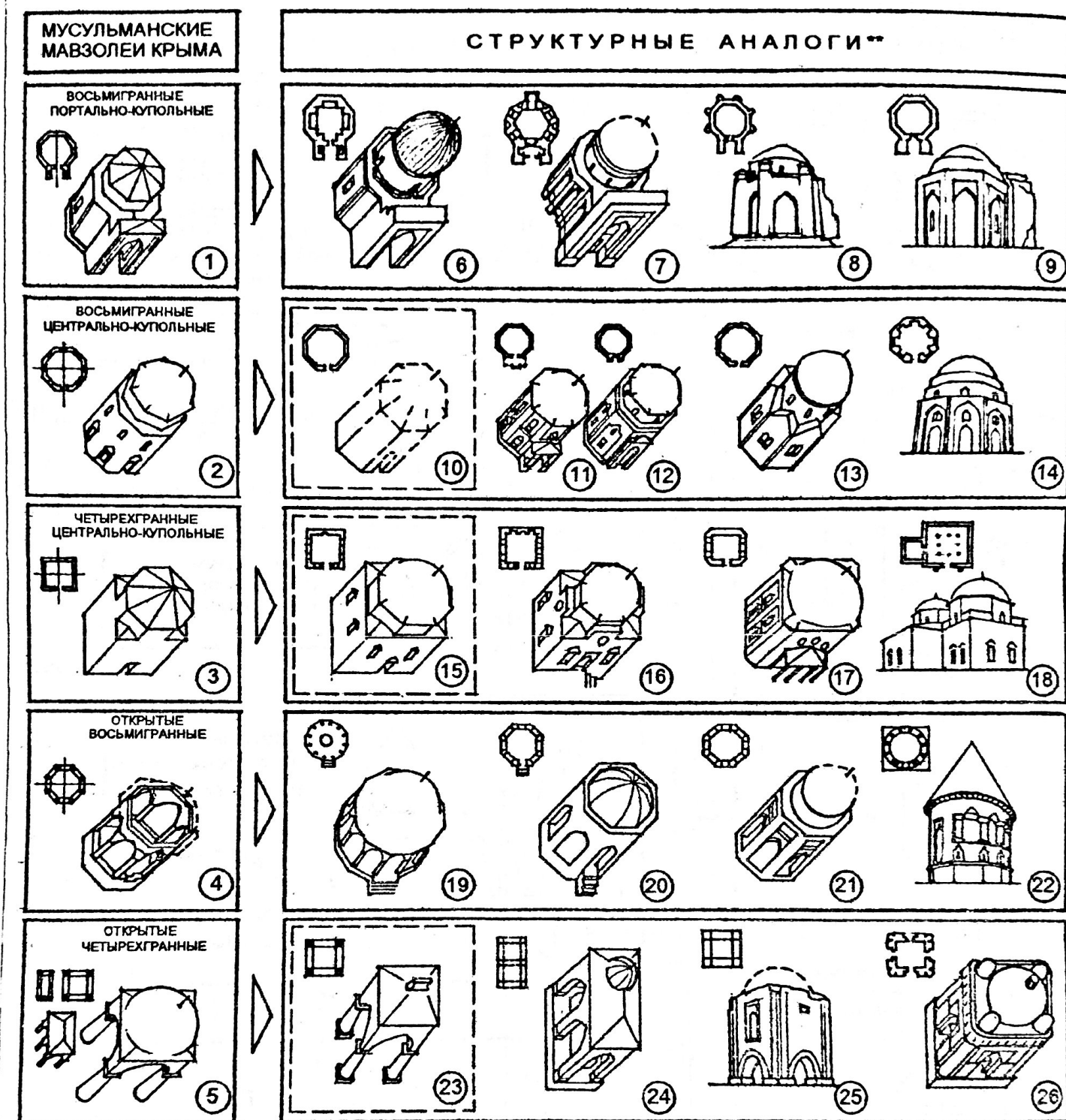

Рис.2 Типологический ряд дюрбе Бей - Юде - Султан

1- дорбе Хаджи-Гирея в г.Бахчисарае, 1501г.; 2- Северное дорбе ханского дворца в г.Бахчисарае XVII в.; 3- дорбе Ахмед-бея в г.Бахчисарае, XVI в.; 4- надгробная ротонда Менгли-Гирея II в Бахчисарайском дворце, 1739 г.; 5- надгробные постройки в Келедже, XVII-нач. XX в.; 6- мавзолеей Гур-Эмир в Самарканде, нач. XV в.; 7- мавзолеей династии Суфи в г.Куна-Ургенче, XV в.; 8- мавзолеей у мечети Шир-Кабир в г.Дахистане, XI- XII в.; Туркменистан; 9- мавзолеей Шабурган-ата близ г.Каракуля, XIв, Узбекистан; 10- церковь в Мангупе, VIII в. (XV в.); 11- порбе Рустем-Паши в г.Стамбуле, 1580 г.; 12- Ешил- порбе в г.Бурсе, 1421 г.; 13- порбе султана Салтука в Эрзуруме, 1170 г. (?), Анатолия; 14- мавзолеей Джебели Санг в г.Кермане, XI в., Иран; 15- мечеть на ул.Бульварной в г.Феодосии, XV - XVI в.; 16- даралыкурра Хосрев Кетхуда в г.Стамбуле, 1565г.; 17- порбе Ареп Ахмед-паши в г.Стамбуле, 1565г.; 18 - мавзолеей Мурада I в г.Бурсе, 1451г.; 19- шадьрван у комплекса Хант-хатун в г.Кейсери, Анатолия; 20- таратхана мечети Калян в г.Бухаре, XV- XVI в.; 21- мавзолеей "восьмигранный" в некрополе Шахи Зинда, г.Самарканд, XV в.; 22- мавзолеей Баяндара в г.Ахлате, XV в, Анатолия; 23- колокольня Успенского монастыря в г.Бахчисарае, середина XIX в.; 24- надгробие Ходжи Синана в г.Стамбуле, нач. XVI в. (?); 25- мечеть во дворе Исхакли-хана, XIII в, Анатолия; 26- мавзолеей Саманидов в г.Бухаре, кон. IX-нач. X в.

* - СТРУКТУРНЫЕ АНАЛОГИ ДВОРОВО-ЗАЛЬНЫХ И ЧЕТЫРЕХГРАННЫХ ПОРТАЛЬНО-КУПОЛЬНЫХ МАВЗОЛЕЕВ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НА РИС.1; 2

** - К МЕСТНЫМ АНАЛОГАМ ОТНОСЯТСЯ №10, 15, 23 (ВЗЯТЫ В РАМКУ)

Рис.3 Структурные аналоги мусульманских мавзолеев Крыма*

[16, с. 77] образцом для которой, как полагают, послужили христианские храмы доисламской Сирии и Иерусалима [22, с. 82].

Некоторые исследователи к числу аналогов дюрбе Большой восьмигранник причисляют и такие объекты, как хакасские курганы — чаатасы (сер. 1-го тыс. н. э.) с центрической погребальной камерой, окруженной кольцом из 8-10-12 менгиров. Усматриваются также визуальные аналогии указанного дюрбе (как подчеркивается «вовсе не случайные») с изображениями купольных построек в итальянской живописи. При этом остаются без внимания аналоги гораздо более близкие и территориально и типологически [23, с. 82]. Вряд ли такой «расширительный» подход можно признать оправданным. Ведь при его последовательном проведении число фиксируемых аналогов оказалось бы практически безграничным, тогда как связи между ними утратили бы свою определенность, выражая лишь тождество наиболее общего принципа композиционного построения, присущего всему множеству охваченных объектов.

Открытые 4-х и 8-гранные мавзолеи (к числу которых в Крыму относятся надгробные постройки в Келедже (рис. 3. 5), а также ротонды в Карасубазаре и Бахчисарайском дворце) (рис. 3. 4) представлены в различных областях мусульманского мира. Своего пика распространение открытых усыпальниц достигло в эпоху раннего ислама. Однако известны и гораздо более поздние примеры таких сооружений.

До сих пор открытые мавзолеи продолжают возводиться в Иране [24, с. 255, 257]. Столь же устойчивой оказалась подобная традиция и на западе мусульманского мира — в Магрибе, где местные гробницы-«кубба» нередко имеют вид открытых киосков как 4-х, так и 8-гранных. В Египте тип мавзолея-киоска известный по комплексу Саба-Банат (нач. XI в.) (рис. 2) и памятникам асуанского некрополя (XI в.) удерживался вплоть до XIV-XV вв. [25, с. 191-193].

В Средней Азии четырех- и восьмигранные мавзолеи-киоски (чортаки и ашттаки) представлены в основном сооружениями X-XI вв. Среди наиболее известных — бухарский мавзолей Саманидов (кон. IX-нач. X вв.) (рис. 3. 26) и чортаки Старого Мерва: Кызбиби, Имам-баба, Гамбер-баба (все — X-нач. XI вв.), [8, рис. 2], а также порталный мавзолей Шабурган-ата (XI в., Бухарская обл.) с 8-гранным основным объемом [15, с. 58, 61] (рис. 3. 9). Структуру ашттака воспроизводит и т. н. безымянный Восьмигранник (30-е-40-е гг. XV в.) в некрополе Шахи-Зинда (рис. 3. 21) — едва ли не самый поздний среди известных в Средней Азии примеров такого рода [26, с. 151]. К XV в. относится и мавзолей Баяндара в Ахлате (район озера Ван), верхний ярус которого трактован в виде открытой аркады на мощных приземистых колоннах [27, рис. 72] (рис. 3. 22).

В стамбульской архитектуре классического периода (XVI в.) зафиксированы весьма близкие аналогии 6-столпного надгробного сооружения в Келедже, известного по зарисовкам К. Ф. Богаевского. В частности подобной постройкой отмечена могила Коджи Синана, расположенная близ комплекса мечети Сулеймание (рис. 3. 24). Еще одно сооружение этого типа находится при мечети Хаджи Ибрагим-паши [19, табл. 59, 157]. Определенным структурным родством с открытыми 4-гранными мавзолеями обладают также центрические мечети-киоски, входившие в состав сельджукско-анатолийских ханов XII-XIII вв. (рис. 3. 25) [7, с. 434-436].

Данных о других подобных постройках (как продольноосевых, так и центрических) на территории Анатолии и бывших османских провинций не обнаружено, хотя скорее всего они существовали. Косвенно это подтверждается наличием в османской архитектуре XV-XVI в. в «родственного» типа мавзолеев с внутренней аркадой, центральное ядро которых квадратное или октогональное в плане, тождественно структуре мемориальных ротонд. Впрочем, подобная планировка (повторяющая планировку Куббат-ас-Сахро) использовалась лишь в наиболее крупных постройках таких, как мавзолей Мурада II в Бурсе, 1451 г. [7, с. 458] и Селима II в Стамбуле, 1578 г. [19, табл. 208]. В некоторых османских мавзолеях классического периода устраивались деревянные или каменные балдахины, обычно 4-х столпные, также напоминающие по своим

формам открытые надгробные сооружения (мавзолей Шах-заде Мехмеда, 1544 г. в Стамбуле и др. [19, табл. 21]). По мнению В. Л. Ворониной, именно форма балдахина, не нуждавшаяся в своем элементарном виде в образцах для подражания, служила прототипом для развития открытых мавзолеев в различных областях мусульманского мира [25, с. 195].

С открытыми мавзолеями-киосками сближается и тип мусульманских усыпальниц с наружной обходной галереей. Подобную структуру имела первая мусульманская усыпальница Куббат-ас-Сулайбия [16, с. 75, 76], а в османской архитектуре она известна на примере мавзолея Сулеймана I [7, с. 468]. К той же типологической группе исследователи относят здание Диван-хане в ансамбле дворца Ширваншахов в Баку (XV в.), мавзолей Сикандера Лоди в Дели (XVI в.) и др. [27, с. 102, 103].

Однако наибольшее структурное сходство с крымскими надгробными киосками имеют не мавзолеи, а фонтаны, обычно возводившиеся во дворах крупных мечетей и медресе. Подобные сооружения известны в различных областях мусульманского мира: в Средней Азии—например, фонтан (таратхона) в бухарской мечети Калян [13, рис. 29] (рис. 3. 20), в Египте—фонтан-киоск кон. XIII в. в каирской мечети Ибн Тулуна и ротонда в мечети-медресе султана Хасана (XIV в., Каир) [27, рис. 78, 82], в Сирии — ротонда в Большой мечети Халеба [28, с. 186-188]. Наиболее ранний из фонтанов этого типа зафиксирован в комплексе омейядского дворца Хирбат аль Мафджар, (2-я четв. VIII в.) [7, с. 28, 30]. Особенно многочисленны и близки по своему архитектурному облику к мемориальным ротондам Крыма турецкие фонтаны-ротонды, именуемые шадырванами (в отличие от однофасадных пристенных чешме) [19, табл. 82, 119] (рис. 3. 19)

Из представленного обзора видно, что **ареал локализации зарубежных структурных аналогов крымских дюрбе** достаточно широк и охватывает помимо Анатолии также Поволжье (Булгар, Казань), Закавказье, крупнейшие центры Средней Азии (Хорезм, Самарканд, Бухара, Мерв) и Ирана (Исфахан, Кум). На раннем этапе доминируют среднеазиатские и болгарские аналоги. Впоследствии в XVI — XVIII вв. лидерство переходит к памятникам Анатолии и бывших османских колоний. Особенно хорошо это прослеживается на примере 8-гранных центрических мавзолеев которые как в Турции, так и в Крыму, постепенно вытеснили тип центрально-купольных мавзолеев с 4-гранным объемом.

Открытые намогильные сооружения, зафиксированные в Крыму со 2-й четверти XVIII в. в целом воспроизводят формы архаичных мемориальных построек раннего ислама. Подобный пример обращения к практике строительства открытых намогильных сооружений отмечен также в XV — XVI в. на Среднем Востоке, где помимо ротонд в этот период возобновляется и строительство хазира-комплексов с аналогов крымского Эски-дюрбе

В заключение следует обратить внимание на мнимое противоречие между весьма широким спектром зафиксированных межрегиональных связей и определенной направленностью типологического развития, которая, судя по всему, заключается в последовательном преобразовании продольноосевой схемы в центрическую (сперва это выразилось в утрате монументального портала, а затем — в надгробных ротондах — и самого входа, как такового). Подобное «противоречие» еще раз подтверждает справедливость известного тезиса, согласно которому, внешние влияния воспринимаются лишь в той мере, в какой они отвечают внутренней логике развития культуры (в т. ч. культуры архитектурной) эти влияния усваивающей. [29, с. 56 и др.].

ЛИТЕРАТУРА.

1. Фадеева Т. М. По горному Крыму.-М.: Искусство, 1987.-176 с.
2. Крикун Е. В. Архитектурные памятники Крыма. /Под ред. О. И. Домбровского-Симферополь: Таврия, 1977. -56 с.

3. Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии IX-XX вв. - Ташкент, 1980. -183 с.
4. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар. //Крым. -1927. -№2(4). -С. 113-168.
5. Айдаров С. С. Архитектурные комплексы средневекового Булгара. // Архитектурное наследство. -М.: Стройиздат, 1975. -Вып. 24-С. 134-142.
6. Бородина И. Ф. Типология среднеазиатских мавзолеев XI-XV вв. //Архитектурное наследство. -М.: Стройиздат, 1985. -Вып. 33-с. 191-197.
7. Всеобщая история архитектуры: В 12 т. -М.: Стройиздат, 1969.-Т. 8: Архитектура стран Средиземноморья, Азии и Африки VI-XIX вв.
8. Прибыткова А. М. Архитектурные школы Средней Азии. //Архитектурное наследство. -М., 1982. -Вып. 30. -С. 103-119.
9. Прибыткова А. М. Усыпальница хорезмшаха Текеша. //Архитектурное наследство. -М., 1972. -С. 167-173.
10. Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. -М., 1966.
11. Воронина В. Л. Каир. -Л.: Стройиздат. Ленинградское отделение, 1974. -80с.
12. Ходжаш С. И. Каир: 2-е изд. -М.: Искусство, 1975. -184 с.
13. Пугаченкова Г. А. Средняя Азия. -М.: Искусство. 1983.
14. Ремпель Л. И. Искусство Среднеазиатского Междуречья XI-начала XIII вв. //Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. -М.: Советский художник, 1978. -С. 42-111.
15. Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. - Ташкент, 1956. -156 с.
16. Воронина В. Л. Средневековый город арабских стран. -М., 1991.
17. Прибыткова А. М. Связи с Ираном и местные черты в архитектуре Средней Азии. //Архитектурное наследство. -М.: Стройиздат, 1982. -Вып. 30. -С. 140-146.
18. Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В. Искусство Азербайджана. -М.: Искусство, 1976. -272 с.
19. The buildings of Mimar Sinan (catalogue)-Ankara, 1989.
20. Jairazbhoy R. A. An outline of Islamic Architecture. -London: JK Publishers 1972.
21. Бретаницкий Л. С. Некоторые произведения азербайджанского зодчества в свете взаимосвязи средневековой архитектуры Азербайджана и Армении. //Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. -М.: Советский художник, 1988. -С. 147-152.
22. Stierlin H. Islam. -Gmbh.: Taschen, 1996. -V. 1: Early Architecture from Baghdad to Cordoba. -240 p.
23. Умерова Ф. Ф. Современные проблемы интерпретации крымско-татарской архитектуры. //Вопросы истории архитектуры. -М.: ВНИИТАГ. -1990. -С. 77-94.
24. Rainer R. Anonimes Bauen in Iran. -Graz, 1977.
25. Воронина В. Л. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги. //Архитектурное наследство. -М.: Стройиздат, 1985. -Вып. 33. -С. 191-197.
26. Бабаджанова Г. И., Колбинцев А. П., Маньковская Л. Ю. По древним городам Узбекистана. -М., 1988. -334 с.
27. Бретаницкий Л. С. Диван-хане в Баку и вопросы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока. //Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. -М.: Советский художник, 1988. -С. 95-103.
28. Сидорова Н. А., Стародуб Т. Х. Города Сирии. -М.: Искусство, 1979. -231 с.
29. Азизян И. А. Проблема влияний и историко-архитектурный процесс. //Проблемы истории архитектуры. -М., 1990. -Ч. 1: Вопросы методологии истории архитектуры. -С. 54-59.